Valera Bober

ARMAGEDDON 2176

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Valera Bober

ARMAGEDDON 2176.
Научная фантастика

«Издательские решения»

Bober V.

ARMAGEDDON 2176. Научная фантастика / V. Bober — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501792-5

Приближается 2176 год. Человечество с трудом выходит из затяжного кризиса. В Солнечной системе зарождается новая форма человеческого правления. Новая империя.

ISBN 978-5-00-501792-5

© Bober V.
© Издательские решения

Содержание

Издание 2-е, переработанное. 2015 6
Валера Бобер 7
Конец ознакомительного фрагмента. 22

ARMAGEDDON 2176
Научная фантастика

Valera Bober

© Valera Bober, 2019

ISBN 978-5-0050-1792-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Издание 2-е, переработанное. 2015

АРМАГЕДДОН2176

Валера Бобер

Раздел I

1. Дом Александра. Земля.

Александр проснулся, и еще не успев открыть глаза, сразу вспомнил, где он находится. В открытое окно врывался оглушительный щебет птиц. Сквозь веки пробивалось желтое солнце, и он зажмурился от удовольствия, чувствуя во всем теле утреннюю свежесть и бодрость от здорового сна, от которого хотелось смеяться. Он всегда плохо спал на новом месте и боялся, что и тут не уснет и сейчас был приятно удивлен. Ему не хотелось открывать глаза и расставаться с таким приятным сном, и мысли его еще были сонными и от этого, легкими и светлыми как в детстве. Он различал звуки птиц, тихий и еле уловимый шелест листьев, и даже, когда вслушивался, среди всех этих звуков находил пронзительный звон в собственной голове, на который обыкновенно не обращал внимания. Он вспомнил, что ему снилась зеленая трава, но это уже растворялось где-то в середине его, уплывало как случайно услышанный запах, и он никак не мог за всем этим угнаться и только ладони его помнили какое-то шершавое прикосновение травы. Наверное, опять разговаривал во сне, – подумал он и отвернулся к стене.

Над кроватью висел ковер с оборванной бахромой, как и тридцать лет назад. Когда то подобные копии можно было встретить в каждом доме. На ковре был выткан лес с поваленным деревом, вокруг которого сидели медведи и он вспомнил, что в детстве, когда ночью трогал бахрому, ему казалось, что все начинает шевелиться и медвеженок тянется к нему лапами, и это нагоняло на него ужас. Александр погладил колючую шерсть и улыбнулся, – первый раз за много лет он проснулся без будильника.

За окном темнели горы. Над ними висело синее небо. Обычное, земное. И теперь, лежа в спокойствии отеческого дома, он никак не мог понять, что привело его сюда. Его интуиция молчала. Много лет назад он покинул этот дом. В начале, он был слишком мал, чтобы что либо понимать, потом молод, полон надежд и уверенности в своих силах. Он не знал, чем именно хотел заниматься в жизни, но совершать безумные поступки было легко и радостно. Потом юношеская наивность уступила место прагматизму, а со временем, жизнь заставила уважать чужие авторитеты, первый признак старения. Что будет дальше, ему было неясно, да и не хотелось об этом думать. Сейчас ему хотелось просто пожить в этом доме.

И как в детстве, почувствовав горячее дыхание на ладони, Александр отдернул руку. Когда-то, маленькими они дружили с медвежонком, но с годами все менялось. Сначала во сне они перестали вместе летать, потом бродить по таинственным подземельям с запутанными коридорами, в бог знает сколько уровней, которые Александр помнил так хорошо, будто давно,

чуть ли не в своей прошлой жизни, в них вырос. И уже, со временем, их дружба незаметно закончилась и Александр слышал только глухое рычание во сне, да и то его часто путал с ночной грозой.

Солнце вставало здесь поздно. Утро было ясное, вымытое росой, но горы накрывали лес огромной тенью и от этого было зябко. Сквозь распахнутые ставни было видно, как в траве лежит молоком туман и из него торчат кусты сирени. Изредка налетал ветерок, дергал за листья и стучал по железной крыше. Сирень густо тянулась к самому дому. Кусты врастали прямо в крыльцо, и блестя росой гроздьями лезли в окно, распространяя по комнате приторный сладкий запах и смешивалась с другим запахом из соседнего болота, где кричали лягушки. На стене висело зеркало в старомодной раме под золото. В нем отражалось окно, сирень и лес, за которым поднимались фиолетовые горы. Лес тихо шелестел как прибой во время штиля, и казалось, что ветер не просто дует поверх деревьев, а расчесывает им верхушки, а сами деревья кланяются и здороваются друг с другом. Во дворе заорал петух. В глубине леса длинно прокуковала кукушка и в ответ ей громко с перерывами протрещала неизвестная птица. Зеркало заблестело, отражая солнце и впервые за столько лет, Александр увидел рассвет с земли. Он вспомнил, как ему мечталось об этом, думал, что этот миг будет каким-то особым. Но сейчас и лес, и горы и вся природа казались ему простыми, доступными, совсем обыкновенными. Все выглядело по-будничному, как бывает каждый день, и он представил сколько людей встречают вместе с ним сейчас это солнце и улыбнулся, что не успел приехать, а уже и не понимает своего счастья. К счастью нужно привыкать.

Он отвык от такой жизни, где никто, никуда не торопится. Забыл этот дом с резными ставнями, увитую плющом веранду. Когда ехал сюда, всю дорогу только и думал, что все здесь будет родным и близким, как в те далекие времена, а теперь видел только убожество и запущение. Дом показался ему чужим и неудобным. Низкие потолки, рассохшиеся двери, бог знает, когда выпавшие стекла на веранде, которую использовали теперь как склад для ненужных вещей и где жили мыши и тараканы. И сами эти вещи тоже никому не были нужны. И все здесь будто породнилось с лесом, стало единым целым, даже на стенах висели охапки высушенных цветов, и пахло, как на сеновале.

Треснутое стекло шифоньера отражало его ноги, продетые сквозь прутья кровати. В комнате было неуютно как в нетопленной бане, в стенах что-то постоянно шевелилось и все казалось ненастоящим, временным, каким-то бутафорским, и было удивительно, что все здесь сделано из настоящего дерева, как в старину. Заскрипели полы, дверца скрипнула, и отражение сдвинулось в сторону. В комнату заглянула сестра, закрывая свет от окна. Сестра изменилась, но ему казалось это к лучшему и что ей очень идут эти собранные в узел волосы, которые сейчас тонули в солнце и струились ореолом вокруг головы, так что глазам было больно смотреть, как если бы смотреть на блеск моря в ясную погоду, и от этого на фоне белой стены, сестра казалась ему слишком правильной и даже идеальной.

– Как спалось? – спросила она и стала раскладывать белье.

Александру было приятно ее внимание, и он улыбнулся:

– Показалось, что я снова очутился в детстве, – он кивнул на окно, – и деревья такие же, – его потянуло пожаловаться, – иногда мне кажется, что все эти годы прошли впустую и то что сейчас, это неправда, не по-настоящему, а та настоящая жизнь где-то еще там впереди. Кажется, что я только готовился к чему-то, набирался сил, опыта и становится страшно, когда понимаешь столько времени прошло впустую и так ничего и не достигнуто. А годы то идут.

– Как это, не достигнуто? Брось себя терзать, все будет хорошо, – сестра погладила его по плечу и Александр почувствовал тепло. Он потянулся. Жаловаться было приятно, и чтобы растянуть удовольствие, стал спорить с ней, наигранно, понарошку, как спорят младшие братья со старшими сестрами, когда знают, что это только их игра и не чья больше:

– Мои мысли разбегаются. Я хватаюсь сразу за несколько дел и ни одно из них не могу закончить. Мое тело в постоянном конфликте с собой. Мне даже кажется, что в моем теле одновременно живут несколько человек, но в нем почему-то нет места для меня самого, того который настоящий.

Сестра, не перебивая слушала и при этом успевала развешивать белье прямо на кровать. У нее были маленькие и сильные руки и он вспомнил, что она и в детстве уже была хозяйкой и сейчас во всех ее движениях все так же чувствовалась уверенность и сноровка.

За стеной резко зазвенел телефон.

Какой странный звук, – подумал Александр, – и спросил зачем-то ее, – может я сумасшедший?

Она обернулась через плечо и заулыбалась, а брови у нее поднялись вверх, и она стала смешная как клоун, и на него накатила полная гармония. Он находился в нужном месте и в нужное время и ему были рады просто за то, что он есть. Снова захотелось стать маленьким и спрятаться в ее руках.

– Тебе нужно отдохнуть. Это место тебе пойдет на пользу, – сказала сестра, разворачиваясь в двери. Она посмотрела на него с нежностью, как смотрят старшие сестры.

– Я нашла на чердаке старые фотографии, – отозвалась она уже из другой комнаты, – ты похож на прадеда, как две капли воды.

И он вспомнил, что так всегда говорят на земле, когда хотят уровнять две разные величины.

– Он был умный, наш прадед. Люди его выбрали старостой села, – добавила она.

Вставать не хотелось. Было хорошо от того что он чувствовал, как сестра радуется за него и живет эти минуты им.

Помолчав, она спросила:

– Ты почему не женишься?

Александру сразу сделалось скучно, и он стал изучать, заставленный цветами подоконник, по которому бежали муравьи. Начинается, – подумал он и сам не понимая зачем, стал оправдываться, уже зная, что это совершенно ни к чему, и чувствовал, как раздражается, и раздражение его передается сестре:

– Надоело мне все, понимаешь, абсолютно все, и даже работа. И особенно моя работа, – с ударением сказал он, понимая, что говорит все это не сестре, а просто разговаривает сам с собой, чтобы заполнить внутри себя пустоту. Ведь нельзя молчать, когда есть пустота, это все равно что прервать мелодию, которую нужно доиграть. Да и к тому же, сестра старше и хочет, чтобы у него все было как у людей.

Она вздохнула, и сразу же раскомандовалась:

– Вставай, умывайся, сейчас будем завтракать.

На кухне снова страшно зазвенело, и она взяла трубку:

– Алло. Да. Спасибо. Конечно. Нет. Еще нет. Хорошо, обязательно перезвонит. Как у вас? – и она стала расспрашивать о здоровье, договариваться о встречах, вести разговор, какой обычно ведут женщины по телефону и Александру все это показалось незначительным, но теплым и родным, тем бытом, без которого не обходится ни один человек. Поговорив, она положила трубку и загремела посудой.

В комнате звенели мухи. Сквозняк перебирал занавески, скрипел ставнями. Александр не моргая смотрел на тень от окна, что лежала крестом на полу, где клубилась солнечная пыль и вспыхивали бликами пролетавшие жуки и почувствовал, как перемещается в другую реальность. Зрение его расслабилось, расплылось и он вдруг понял, что улавливает еле заметное движение солнца и подумал, что вот сейчас поймал само время и нигде ни будь, а на земле. Это были те мгновения, из которых складывается жизнь и он обрадовался своему новому чувству. На свет выбежал таракан, шевеля усами. Зевая, Александр махнул на него рукой и посмот-

рел в окно. Таракан не шевелился. Он потянулся, встал и вышел во двор. В окно было видно сестру, которая наклонилась над столом. Тыльной стороной ладони она смахнула волосы со лба и закурила и ему сразу вспомнился запах в аэропорту. Так пахло на земле.

– Ты помнишь родителей? – послышался ее голос из глубины кухни.

Александр грустно улыбнулся, – конечно помнит, как может помнить сын, который не живет на земле.

– На фотографиях, – она выглянула в окно и голос ее зазвучал громче, – ты совсем маленький, но по ним можно сложить все твое детство.

Голос у нее был звонкий, веселый.

– Ну вот, твоя любимая яичница с помидорами, – сказала она, – по итальянскому рецепту.

– Вот оно, счастье, – подумал Александр.

Они ели очень вкусную, недожаренную, почти сырую яичницу. Бросали туда зеленые листья базилика и макали их черным хлебом вместе с соком помидоров. Сестра, дурачась, рассказывала о своей провинциальной жизни. Что, кроме работы и дома у нее ничего нет, и всем от нее что-то нужно. И чуть что, то сразу к ней, как будто ей больше всех надо. Александр разглаживал рукой скатерть и не задавал вопросов. Он знал характер сестры. Она постоянно должна была кому-то помогать и жить общественной жизнью, она по-другому и не умела и в этом заключался секрет ее одиночества, хотя ее нельзя было назвать некрасивой. Потом она принесла кофе с молоком в толстых фаянсовых кружках, из которых шел пар и поставила перед ним на маленькую салфетку.

– Настоящий, бразильский, – сказала она, – только что смолола.

Он слышал, как она молола его в какой-то гремящей дробилке и ему трудно было поверить, что такая красота так запросто делается. Ну, что еще нужно в этой жизни, – подумал он.

Они вышли на веранду и сидя на старых мешках, смотрели на солнце, любовались небом и обсуждали ее бытовые проблемы. Он привез ей немного денег и собирался помочь по хозяйству. Нужно было запастись на зиму дровами. Подлатать крышу, поправить забор, пообщаться с соседями и вообще побыть здесь, вместе с ней. Потом они пошли разбирать фотографии. Вместе подставляли стул под шифоньер. Стаскивали сверху огромный, весь в пыли, старый, уродливый чемодан и даже не чемодан, а целый сундук с заклепками. Упустили его, разбили банку с сиренью и залили пол. А чемодан упал и конечно же раскрылся в самом ненужном месте, прямо в луже. Фотографии рассыпались, но они не обращая внимания на кавардак, сидели на полу, хохотали, выхватывали друг у друга фотографии, перебивали себя, смотрели, вспоминали и не могли наговориться.

Потом сестра тихо сказала:

– Хозяйка пансиона звонила. У них заболел маленький ребенок и они не знают, что с ним делать. Специально вызывать врача дорого, может у него и нет ничего серьезного, но все-таки это ребенок. Просят тебя посмотреть, – и быстро добавила, – ты можешь отказаться. В конце концов, ты не обязан заниматься здесь практикой.

Александр поднялся с пола, и катая ногой ободок стеклянного горлышка от банки, весело сказал:

– Ничего страшного, я схожу.

Он босиком вышел во двор и засунув руки в карманы, стал осторожно ступать по высокой, давно некошеной траве и сбивать с нее росу. Он вдыхал незнакомые запахи, чувствуя, как кружится голова и смотрел как трава, словно покалеченное животное шевелится и упорно распрямляется назад.

А сестра наблюдала за ним из окна, что вот стоит ее младший брат. Такой красивый и известный. Врач. Специалист высокого класса. Прилетел ни откуда нибудь, а с самой луны, где сделал головокружительную карьеру. Которым она гордится. Которого она так давно не видела и так хотела видеть, и про которого в округе уже все знают и только о том и говорят,

что он прилетел и ждут чтобы прийти к ним в гости. И вот он стоит, рядом с ней, ее любимый Александр, в какой-то драной майке, в закатанных спортивных штанах с вытянутыми коленками и босыми ногами топчет бурьян.

2. Пансион. Таврическая впадина.

Александр шел по лесу, держась песчаной дороги, что вела к затопленному карьеру. Там у озера, в тиши пансиона, он собирался провести несколько дней, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Блестела паутина, пахло хвоей, высоко над головой шумели сосновые кроны. Прыгали белки, громко долбили дятлы, было хорошо и легко, и от этого в голове у Александра все спуталось. Он вдруг понял, что никаких ограничений не может быть в том, что человеку нужно делать в жизни, потому что жизнь эта принадлежит только ему, этому человеку, и посвящена может быть только самому себе, а если что-то в этом объяснении не вяжется, то опять же все зависит от этого самого человека. Это справедливо и спорить с этим глупо и вредно. Было совершенно ясно, что только так правильно и никак не должно быть по другому, когда к примеру, в угоду отдельным личностям, придумываются для общества новые нормы поведения, не замечая, что от этого несет пошлостью и слабостью, потому что пошлость она и есть пошлость, когда что либо делается во имя личных интересов, а во имя личных интересов все делается, когда человек уже слаб, конец его близок и ему хочется думать только о себе. С этим трудно было спорить и ему стало радостно. Захотелось поделиться радостью с кем-то еще и навсегда остаться таким же понятным, и так же запросто все понимать самому. Вокруг все стало предельно ясным и чистым как белый лист, но уже через минуту мысли Александра снова спутались, он терялся и думал, что это уже болезнь какая-то в нем сидит и делает так, что он во всем сомневается. В голову лезло бог знает что, и все сразу, и про честность, и про совесть. Вспомнились студенческие времена, когда он ходил в столовую, где всегда не хватало вилок и как-то при всех унизил старую уборщицу, в душе считая ее необразованной, и всего лишь за то, что она в суматохе опрокинула его компот. И думал он тогда не о компоте, а о том что нужно быть профессионалом своего дела и никому не позволено прикрываться старостью или слабым умом и оправдывать свои промахи. Тогда он верил в жесткость как во благо, верил в каленое железо, наивно, прямолинейно. Он думал, что она заслуженно убирает за ним, таким умным и талантливым, и что так должно быть всегда. Одним движением глаз он заставил ее сконфузиться, он умел это делать, и они оба тогда почувствовали, что это было ее унижением. Тогда он посчитал свой поступок победой, но позже ему стало стыдно. Случай, конечно был мелкий, и скорее всего та женщина через минуту все забыла, но он не забыл, и чувство стыда еще долгие годы волочилось за его памятью. Редкая это была гадость, чувство стыда.

– Вот она карма, – думал он, – причина всех моих неудач. Просто так ничего не бывает, всегда что-то нужно отдать, для того, чтобы что-то получить.

В глаза лезла мошкара, в воздухе звенело, что-то нервировало, и он оглянулся, ища причину дискомфорта и вдруг увидел волка. Александр никогда раньше не видел волка близко. Воздух над его головой серебрился как осенняя паутина, и он тихо зарычал, и странно, его звуки не испугали Александра, и показались доступными для понимания, и он удивился от того, что так запросто понимает зверя и что раньше не догадывался о том. В воздухе зазвенело, над головой зверя поплыло облако. Это аура, – догадался Александр. Лес отодвинулся и сжался в кружок и до него стало далеко, как до неба. Александр облизал губы, чувствуя сильный привкус металла, похожий на радиацию, которую он всегда мог запросто различить, и удивился этому, но не испугался, и это удивило его еще больше, потому что он знал, что это признак чего то большего, чем случайное совпадение. Он слышал острый запах звериного тела, потную шерсть, в глазах его все расплывалось и ладони от напряжения были влажные, холодные и он нервно сжимал и разжимал их, будто бы надеялся услышать еще что-то. Ему

казалось, что он понимает не только волчий язык, но и весь лес, но только не успевает своими мыслями угнаться за ним, от того что все происходит очень быстро, и от того что все здесь для него чужое. Подул ветер, заволновалась трава и волк исчез, а Александр стоял и смотрел. Смотрел на муравьев, что бежали по стволу дерева, на кусты, которые раскачивал ветер и никак не мог оторвать глаз. Он смотрел как листья пропускают сквозь себя солнце, играя лучами, и видел в них особую красоту и простоту, понятную для него сейчас. Тело его стало легким, словно он запросто мог взлететь, если захотел бы, и все вокруг стало частью его самого, и тень, и свет, и звуки.

– Вот так и должно быть всегда, – подумал он, – просто и ясно.

Он чувствовал, как какая-то тяжесть сваливается с него, а остается только легкость и чистота. Он словно освобождался от долгого сна и теперь ясно видел, что по сути дела, он есть ни что иное, как обыкновенное ничтожество, мелочь, которая растворяется в природе, теряется в ее просторах, и то что он ценит сегодня, завтра никто и не вспомнит, и ужаснулся от того, как это он раньше осмеливался убить муху, не имея представления о сложности ее устройства, и не понимая, как можно ее воссоздать.

Между деревьев заблестела вода, и где-то далеко зазвенел детский смех. Навстречу ему, снимая картуз, вышел лодочник. Нужно еще было переправиться на другую сторону, и они полезли сквозь камыш, раскачиваясь в неудобной, самодельной плоскодонке. Александр свесил ноги в воду, смотрел как лодочник работает веслом. Из воды торчали покрученные деревья, попадались поплавки рыбацких сетей, повсюду летал пух и от него чесалось в носу. Казалось, что в таком месте должна жить нечистая сила. Александр пригибался под низкими вербами у берега, трогал их длинные ветви, точно такие, как снились ему нынешней ночью, и все здесь казалось ему знакомым и близким. Было тихо и только один раз в зарослях страшно прокричала, хлопая крыльями, птица.

– Сом балует, – отозвался лодочник.

Александр закрыл глаза и погрузившись в звуки, ясно представил русалку в зеленой тине. Как белея спиной, она беззвучно полезла в сухой камыш. Послышался треск. Вздрогнув, Александр открыл глаза и увидел, как оставляя рябь, с поднятой головой плывет уж.

– Почти приехали, – сказал лодочник.

Пахло гнилыми водорослями. Из зарослей вдруг открылся лиман, уходящий в блестящее море. Подпирая заросший соснами холм, у берега белел пансион со старомодными колоннами и цветной полатанной крышей. Было безлюдно, и только вдоль берега брели две спутанные лошади, а под ними в воде, нога в ногу тянулись их перевернутые отражения. Закаркало воронье и по лесу покатилось эхо. Сколько таких мест найдется в мире, – подумал Александр, – в которых захочется остаться навсегда.

Он опустил в воду руку и задумчиво смотрел на пенную дорожку. Лодка мягко уперлась в берег. Вместо прощания он сказал:

– Интересное местечко.

Пансионат был старый и запущенный. В коридоре висели засиженные мухами рамы без репродукций и остро пахло хлоркой, и сразу стало ясно, что здесь не отдыхают, а лечатся. Сквозь грязные окна пробивалось солнце, а под высокими потолками, как в часовне, ворковали голуби.

Раскатываясь эхом, громко хлопнули двери, и к ним торопливо подошла сестра в белом халате.

– Извините, доктор, – сказала она, – пожалуйста пройдите сюда, в эту комнату.

Она открыла дверь, пропуская его вперед, и из-за стола навстречу поднялась полная женщина, протягивая руку для приветствия. Волосы у нее были гладко зачесаны назад и пахла она свежим арбузом.

– Хорошо, – подумал Александр.

– Я так рада, что вы приехали, – заулыбалась она, – мы все вам очень благодарны. Много о вас наслышаны и гордимся таким знакомством. Извините, что пришлось вас оторвать от дел, но войдите в наше положение, сейчас такие тяжелые времена. Мы подумали, что может на условиях соседских отношений, вы согласились бы нам помочь?

Она, не переставая разговаривать, заглядывала ему в глаза и уже открывала дверь и шла куда-то по коридору.

– Мы так вам благодарны за ваше внимание. Ох, уж эти постояльцы, – она закатила глаза, – с ними одни проблемы. И все это никому не нужно, а налоги такие, что и не знаешь, как быть, – и она положила руки себе на грудь, – и все так дорого. И все сама, сама. А тут еще солдаты с проверками, – она повернулась к Александру и сделала испуганные глаза, – говорят, император болеет?

Александр пожал плечами, но она уже не слушала его:

– Вы сможете здесь остаться на неопределенно долгое время. На неопределенно долгое, – подчеркнула она, – вам уже приготовили комнату.

Александру больше всего понравились ее слова, – на неопределенно долгое время.

– У одной нашей постоялицы постоянно болеет ребенок, – продолжала хозяйка, – и вот сейчас новое осложнение. Я думаю, что это все от погоды. Но, она очень хорошая женщина и все время за ребенка переживает. Нужно только разыскать ее мужа. Я вам не говорила разве? – повернулась она, – там есть муж.

Они подошли к двери которая была закрашена настолько, что казалось ее красили густой замазкой, которая теперь вздулась. Александр попытался пропустить хозяйку вперед, не понимая, кто здесь должен идти первый и они оба застряли в двери, но в конце концов хозяйке удалось войти и они попали в большую комнату. У окна стоял высокий, худой мужчина с усами. Хозяйка подошла к нему и мягко взяла за локоть, указывая на Александра:

– Дорогой вы наш, это доктор и он любезно согласился осмотреть вашего ребенка. Не могли бы вы провести нас в свою комнату?

Мужчина задвигался, пытаясь поймать руку Александра и казалось, что сейчас он что-нибудь разобьет. Наконец все успокоились, отец ребенка рывком открыл дверь в комнату и до них донесся плаксивый женский голос:

– Ну, наконец-то. А, это ты? – сказала она разочарованно.

Комната была завешена бельем, на натянутых от стены к стене веревках. Пахло сыростью и от простыней нельзя было понять, что находится в другом ее конце. Сама женщина была одета в заношенное платье. На кровати лежал ребенок.

– Что с ним? – хмуро спросил мужчина.

Жена его выглядела уставшей и было заметно, что давно не следит за собой. Пересиливая комок в горле, она сказала:

– Не знаю, что с ним происходит, доктор. Он вдруг перестал дышать.

Александр наклонился над ребенком. Тот вяло перебирал ножками.

– Сколько ему?

– Шесть месяцев, доктор. Но он родился раньше срока.

Она стояла рядом, нервно перебирая пальцами:

– Никто, никогда не знал, что с ним такое. С первых дней он срыгивал все молоко и мне приходилось кормить его искусственной смесью. Ему становилось немного лучше, но затем у него всегда болел животик.

– Нам сказали, что ему нужен морской климат, – вмешался ее муж.

Она запнулась, но все же сказала:

– Нам сказали, что ребенок такой, потому что он просто не получился. Нам нужно сделать все для того, что бы его выходить. Все это время мы живем здесь в надежде, что ему станет лучше.

Александр оглянулся и понял, что это самый дешевый номер в пансионе. Он приложил ладонь к груди малыша. Потрогал голову.

– Пока ничего страшного. Если, что я буду рядом. Вам не следует оставаться все время здесь. Выносите его на воздух, а комнату лучше проветрить.

Женщина через силу улыбнулась.

– Начните с этого. Я буду рядом, – повторил Александр и открыл дверь.

Александр был приглашен хозяйкой на завтрак и по такому случаю надел свежую рубашку. Вместе они прошли по коридорам и попали на задний двор в летнюю беседку, где удобно устроились в плетенных креслах. День выдался солнечным. Кончиками пальцев Александр водил по ладони, чувствуя удовольствие, которое передавалось ему из окружающей безмятежности. На его безымянном пальце синело кольцо с бирюзой, которое приносило здоровье и удачу. Хозяйка, усевшись рядом, утонула в тени винограда. На ее лице и плечах играли солнечные пятна. В блюдце лежала брынза в оливковом масле, прикрытая листом винограда. С кухни подали горячий хлеб и телятину. Затем принесли синие как сливы, оливки и разлили чай. Александр смотрел как в фарфоровых чашках вспыхивает солнце. На лимане между желтыми песчаными косами блестели лужи. Ветер стелил языками длинную, степную траву. Кричали чайки. Со стороны берега вышел рыбак и направился в их сторону. Подойдя к беседке, он молча вынул из корзины большую рыбину и бросил к ногам хозяйки. Рыба открыла рот и блестя чешуей, забилась на песке. Рыбак нагнулся, схватил ее за жабры и с гордостью подержал на весу, давая возможность всем хорошенько ее разглядеть. Потом только спросил:

– Ну, как?

Рыба пахла морем. Хозяйка повернулась и кивнула выглянувшей из двери кухарке. Рыбак пошел на кухню.

Александр жмурился, смотрел на море и не мог наглядеться. Он первый раз видел море. Ему хотелось растянуть это время. Он уже успел искупаться и удивился как тело его сразу приняло воду. Это было все равно, что летать. Он наблюдал за детьми, которые запросто заплывали за горизонт, так что их головы казались маленькими точками, и при этом не боялись и ему казалось, что они чувствуют себя в воде даже лучше, чем на суше.

Вдоль берега бродили отдыхающие. Александр заметил одетого в шинель человека и вспомнил, что встречал его в пансиона. Тот бродил отдельно от всех, что-то бормотал себе под нос и прикрываясь высоким воротником, неумело подкуривал. Александр проследил за ним одними глазами и ему стало интересно, что об этом думает хозяйка. Он сконцентрировался на этой идее и послал в ее сторону мысленный вопрос.

– Вы уже видели? – тут же посчитала нужным начать разговор хозяйка.

– Что? – удивился Александр.

Она показала глазами.

– Этот здесь уже несколько месяцев. Дома он жил целый год в подвале, пока не вмешались соседи. Его жена только что была у меня. Бедная женщина, она беспокоится, что он снова может впасть в безумное состояние. По правде сказать, он сам предчувствует это состояние и всегда предупреждает. Сегодня, как раз она попросила отдельную комнату, куда можно его закрыть, вот только к сожалению, у нас с этим напряженка. Есть одна каморка, хотя конечно есть и хорошие комнаты, – тут она сделалась серьезная и стала внимательно всматриваться вдаль, будто ожидала что-то там увидеть интересное.

Они помолчали.

– Опять полнолуние, – отозвалась хозяйка, – в такое время у нас всегда что-нибудь происходит. Вот и сегодня на соседней ферме новое заселение. Это не навсегда, это только сезонные работы, но у них уже есть больные, – вздохнула она, – кажется, вам прибавится работы.

Она посмотрела на Александра и сказала:

– Вы будете под охраной.

Александр кивнул, наблюдая как солнце подрагивает в остывшем чае.

– Чувствую, будет сегодня дождь, – вздохнула хозяйка.

На террасу вышел грузный мужчина в одном халате. Он подошел к беседке и сквозь решетку недовольно пробурчал:

– Опять меня не разбудили, как я просил.

Тень закрыла ему лицо. Не дождавшись ответа, он забрал из беседки стул и пошел к берегу, – доиграетесь, вот напишу прокурору, посмотрим кому тогда будет смешно, – послышался его голос, – у меня есть прокурор.

Хозяйка пожала плечами:

– Теперь так будет сидеть до самого вечера, – и обернулась, не слушает ли кто, – он начинал рабочим на нефтяных вышках в море, а затем случай помог ему разбогатеть на продаже этой же вышки. Правда, для этого ему пришлось утопить в нефти своих коллег и окончательно подорвать здоровье и с тех пор он считает, что весь мир ему обязан.

– Сумасшедший, – подумал Александр, глядя на человека в шинели.

Тот подошел к толстяку и наставив на него два пальца, коротко сказал:

– Пуф!

Толстяк проводил его взглядом, полным ненависти.

Хозяйка понизила голос:

– Иногда не знаешь, как поступить. Все так сложно и запутанно, – и вдруг оживилась, – а знаете, мы устраиваем бал. Редкое развлечение в наших краях и все его очень ожидают.

– Действительно, событие, – согласился Александр.

– Вы в числе приглашенных и мы надеемся вас видеть. Хотя, что вам наша провинция, вы наверное и не такое видали.

– Спасибо за приглашение, – кивнул Александр.

– Надеюсь, что все образуется. Меня уже просили, запретить ему выходить во двор при всех. Что вы думаете по этому поводу? – наклонилась она к Александру.

Александр поднял глаза:

– А что произошло?

– Кажется, он был психологом или психоисториком. Затем начал делать глупости. Знаете, бывают такие люди, начинают угадывать желания, предсказывать будущее, влезать во что-то непонятное. Одним словом, много там неясного.

Александр почувствовал перемену и повернул голову. Сумасшедший смотрел на него. В дверях зашумели, на террасу вышла дама в белом платье и сумасшедший выбросил сигарету. Она упала в траву, сквозь которую потянулся дым. Отец больного ребенка, стоявший неподалеку, оживился, лицо его приобрело интересное выражение. Дама, кивая всем головой, направилась в сторону сумасшедшего, неся сильный запах сладких духов и Александр понял, что это его супруга.

– Обычная, забытая богом провинция, – подумал Александр, – но наверное это и можно назвать счастьем.

По берегу бродили чайки, пахло солью. Лиман блестел как разлитая ртуть и люди на берегу казались плоскими, словно вырезанными из черного картона. Из помещения донеслась музыка. Затем послышался звон посуды и громко хлопнули дверьми. Стало слышно, что там о чем-то спорят. Хозяйка улыбалась.

С берега поднялись чайки. На горизонте показались, похожие на подушки облака и закрыли солнце. Гуляющие потянулись к дому. Сумасшедший, прикрываясь, смотрел вдаль и казался озабоченным.

– Ох, не зря сегодня обещали дождь, – не к кому не обращаясь, сказал толстяк.

Сумасшедший ответил:

– Не размокнешь. Тебе не помешает очиститься. Потом спасибо скажешь.

Он тянул шею, будто хотел вылезти из тесного воротника и заметно нервничал. Из окна послышался плачь ребенка и показалось лицо взволнованной женщины. Дама в белом решительно направилась в его сторону.

– Вот сила, – закричал он, показывая пальцем на облака.

Супруга взяла его за руки, но было заметно что она опасается. Окно с треском захлопнулось, зазвенев стеклами и за ним задернулись занавески. Хозяйка встала и посмотрела на прислугу, и те сразу побежали к сумасшедшему, подхватили его под руки и поволоки в дом. Он не упирался. Все замолчали. Отец больного ребенка направился к растерянной даме, разводил руками и всем видом выражал сочувствие. Александр заподозрил, что чего-то не знает. Однако, – подумал он.

Отец ребенка прикладывал руки к груди и что-то говорил даме.

– Что вы? Я вами очень довольна, – донесся ее голос.

В доме снова заиграла музыка.

– Выключите музыку, – крикнула хозяйка.

Поднимая пыль, из-за леса вышла колона. По сторонам, высунув языки, бежали собаки. Звенели котелки, шаркали ноги, все слилось в монотонный звук. Мимо дома шли сгорбленные, белые от пыли лилипуты, с плоскими, безразличными лицами, направляясь к строению у дальнего края лимана. За ними шли солдаты с автоматами.

Александр посмотрел вдаль. Море покрывалось рябью, по нему побежали длинные тени, между ними мотался луч солнца и в том месте плавало яркое пятно. Стало душно, воздух сделался липким. Но вот над горизонтом сверкнуло, на землю упали первые капли и тут же застучало по листьям, по железной крыше, вокруг дома зашумело, запахло перегретой пылью и вскоре по земле уже бежали целые ручьи грязи. От дождя потемнели стены и попрятались птицы, но все равно казалось, что от свежести всему живому стало легче. Над домом низко шли тучи и быстро темнело. Отдыхающие поспешили разойтись. Александр поднялся в свою комнату, опустился в кресло и в сумраке слушал шелест дождя и задумчиво катал в пальцах темный шарик гашиша, которым любезно угостила его хозяйка, пробовал его дурманящий вкус на язык и смотрел на мокрые, вздрагивающие листья. В комнате стало совсем темно. Вышла луна, страшная, плоская как блин, и с ней пришла какая-то тоска. Далеко в море свернуло, комната на мгновение озарилась светом. По углам шевелились тени. Александр смотрел на кровать. Снова сверкнуло и через мгновение страшно треснуло над крышей, но сейчас же снова сверкнуло, высвечивая на стене крест от оконной рамы и Александр увидел спящую женщину, похожую на сестру. В темноте ему казалось, что это неправда, что это глупое видение и сейчас все проясниться, но все так же шумело за окном, так же шевелились тени, и все казалось несуразным и диким. Женщина перевернулась на спину, совершенно не стыдясь наготы и тело ее казалось таким же белым как и простыня, и от такого белого в глазах у Александра все расплывалось. Ему казалось, что кто-то его манит руками и чем сильнее он всматривался в темноту, тем сильнее все искажалось. Сестра уже плыла по воздуху и он боялся пошевелиться, чувствуя, как изморозь покрывает руки. За шкафом прятался ужас, а сестра с раскинутыми руками бесстыдно светила грудью, раскачиваясь под самым потолком и шевелила свисающими хвостами простыни. Она наполнялась лунным светом и уже не оставляла вокруг себя никаких теней. Александр с удивлением видел вокруг себя множество павлинов с человеческими глазами. Они расселись на ветвях, цветущей белым цветом сакуры, и помахивая хвостами,

брызгали росой ему на горячие щеки. От холодного, Александр проснулся и увидел, что сидит в пустой комнате, а из окна брызгает дождем. Он захлопнул окно и не раздеваясь упал на кровать. А сестра его спала дома, в своей постели и улыбалась ощущению полета. Ей снился брат в золотой короне и все у него получалось, всем им было тепло и хорошо, и она была счастлива от этого. За окном шумел дождь.

В дверь постучали. Александр поднял голову и понял, что проспал.

За дверью сказали:

– Завтрак подадут через двадцать минут.

– Хорошо, – отозвался Александр и сел на кровати. В окно виднелся двор с вытоптанной травой.

– Доктор, – сказали за дверью, – вас просят сегодня заглянуть на соседнюю ферму. У них есть тяжелый больной.

Александр молчал.

Из под двери спросили:

– Что им ответить?

– Да, я помню, – ответил Александр, чтобы отстали.

Он встал и оперся руками на жестяный рукомойник в углу комнаты. Брызнув в лицо водой, он с интересом посмотрел на свое отражение. Рядом уселась зеленая муха. Рассеяно махнув на нее рукой, Александр набросил полотенце на шею и направился к морю. Уже одетый, он спустился на первый этаж и подошел к двери в конце коридора. Было видно, что ею давно не пользовались. Поцарапав ногтем закрашенное стекло, Александр легонько постучал. К стеклу прижалось красное ухо, потом на стекло подышали и потерли, но лучше от этого не стало. Воровато оглядываясь, Александр вышел через черный ход на задний двор и обойдя заросшие лопухами постройки, нашел в стене дверь и над ней выбитое окно с прогнившей рамой.

– Есть кто-нибудь? – спросил он в темноту.

Из темноты несло плесенью. Александр судорожно вдыхал утренний воздух, затем отвинтив кран над трубой, что торчала из стены, стал жадно глотать воду с привкусом ржавчины. Ему казалось, что он никогда не насытится, и все его нутро выгорит огнем, ему хотелось так стоять и пить бесконечно, чтобы только не встречаться глазами с тем, о ком он все это время думал. Но он все же поднял голову и увидел, как из темноты показались белые, незагоревшие руки в пигментных, старческих пятнах, странные для человека, который отдыхает на курорте.

– Как у вас дела? – через силу спросил в окно Александр, утираясь рукавом, – вы не против, если я к вам сегодня зайду? – и совсем уже неуверенно добавил каким-то сиплым, ослабевшим голосом, от которого ему сделалось неловко, – мне просто любопытно, о вас тут всякое говорят, что вы все знаете, и умеете, – и быстро, чтобы его не перебили, спросил, – а как вы думаете, сколько я проживу? Можете сказать прямо?

Из тени показался освещенный солнцем нос и хриплый голос сказал:

– Твое гнилое мясо не вызывает у меня никаких ассоциаций. Ты будешь жить долго.

3. Бал.

Ферма, только называлась фермой, а на самом деле это был выкрашенный известью барак, заваленный окаменевшей солью. Здесь ее всегда добывали, и сейчас тоже добывали, но уже реже, с перерывами, называли это сезонными работами и пользовались для этого уже не местными алкоголиками, а мутированными рабами из резерваций. Их доставляли составами на соседнюю станцию. Работа на ферме была тяжелая, бригады набирались колоритные,

из особей неясных национальностей, и рабочий сезон здесь всегда заканчивался каким-нибудь страшным происшествием. Поэтому на дороге дежурил патруль.

Александр толкнул сорванную дверь и попал во мрак. До обеда было далеко и в бараке никого не было. Воняло варенным луком, как обычно бывает, когда долго не моются. В грубе тоскливо выло, а сквозь дырявый потолок пробивались солнце, косо разрезая клубы пыли.

– Одни микробы, – вздохнул Александр. Он ясно представил себе такого микроба под микроскопом и получил натуральную зеленую жабу в бородавках. Его передернуло. Спасения не было, ибо этот микроб пожирал всех, кто к нему сюда попадал. Он видимо всегда обитал здесь. Забивался в человеческие легкие, в уши, выгрызал самую сочную плоть, обживался, откладывал яйца, и все время размножался. В глаза бросалась обреченность этого места, его убожество. Казалось, что эту жабу здесь специально откармливают, заботятся о ней и наверняка она имеет покровителей. Было неясно, кому эта соль нужна, зачем такое несчастье сеять в обществе вообще, понятно было только, что никто в это не вникает, ответственности не несет и продолжается такое каждый сезон исключительно по привычке, потому как управляющему соляными приисками чем-то нужно заниматься. И потому летят команды, едут командированные, самые убогие и калеки, потому что никому заступиться, и кружится по инерции, продолжается жизнь в провинции. Здесь так привыкли и другого не знают.

Глиняный пол был заставлен железными кроватями, а возле стола на сдвинутых лавках, что-то лежало, синея фуфайкой. Александр подошел ближе и увидел больного с запрокинутой головой и желтым, как воск носом. Из штанин торчали, похожие на швабры, ноги. Александр сел на скрипучую койку у изголовья и сразу понял, что уже все поздно. Глаза несчастного были черные от страха, сил в нем совсем уже не было и казалось, что он проваливается куда то и не знает за что ухватиться. Александр разорвал тряпки на его груди, где успели завестись черви, ввел обезболивающее и полив маслом, стал соскребать засохшее месиво с ран. Через минуту у того дернулись глаза, стянулись судорогой руки, и в дальнем углу барака вдруг протяжно заскрипели двери и по полу потянулась полоска света и коснулась страшных ног. Александр выпрямился, наблюдая быстрые изменения на сером лице. Из-под кровати выскочила кошка и рванула к выходу, а за спиной тяжело вздохнули, и Александр, боясь обернуться, подумал, что это должен быть монах, и еще подумал, – почему монах, ведь сюда никого не звали, хотя кроме монаха никто здесь не требуется, – и почувствовал, что все это неспроста, потому что все вокруг давило на него, было тяжелым и мрачным, и совсем ненужным. Ни к чему это было в такой ясный день, – подумал он, – лишнее все это. Его передернуло от жалости к себе и во рту сделалось кисло.

Александр закрыл несчастному глаза. Редкие волосы склеились на мраморном лбу и выглядело так, будто смерть ничего здесь не изменила, потому как казалась естественной, словно каждый день ее тут видят. Стучала дверь в дальнем углу, звенели мухи, казалось нормальным, что они здесь ползают везде, по столу, по кроватям, по синей фуфайке. Во дворе тоскливо застонало, будто гнули железо и тут же закачалась страшная тень на стенах, мелькнуло сквозь щели и вспыхнуло солнце на никеле кроватей. Под дверью мелькали. Александр ясно почувствовал опасность и внимательно слушал, как кто-то бродит вокруг барака. Снова об стены загремело, кто то закричал как резаный, и дверь с треском упала, впуская яркие клубы пыли, и в барак ввалились лилипуты. Они бестолково толкались, словно были не люди, а стадо со страшными лицами в бородавках, с разорванными ртами. Пришедшие из степей печенеги. Кто-то гаркнул на чужом языке, передние раздвинулись и в проход, раскачиваясь верхом на шее огромного раба, въехал маленький человек с плоским лицом. Александр все понял. Он почувствовал силу и амбиции в этом маленьком теле. Этот у них главный, – подумал он, – наверняка вождь, раб над рабами. На вожде была шляпа с загнутыми полями и желтые сапоги. Александр растерялся, чувствуя, как растет тревога от вождя и давит на него, несоразмерно большая по сравнению с маленьким телом. В горле пересохло, он подобрался, внима-

тельно наблюдая за его руками. Сильно пахло опасностью, остро, как от немытого тела, и еще пахло старой затаенной обидой, и это тоже было опасно.

– Оставил нас, – с грустью сказал вождь и посмотрел на Александра, – а что ты здесь делаешь?

– К сожалению, многоуважаемый незнакомец, моя помощь не пригодилась. Меня позвали слишком поздно, – ответил Александр, глядя ему в переносицу.

В голове крутились мысли, как в колесе и он никак не мог их уловить и понять, как правильно ему держаться перед этим карликом и что отвечать, и он решил, что если это враг, то лучше держаться с ним на равных.

– Ты что, врач?

– Я случайный прохожий на этом пути. Помыслы мои не несут злобы и руки мои чисты. И вы правы, в жизни мне не раз приходилось заниматься подобными делами. Я врачеватель, – ответил Александр, – и почувствовал, как в маленьком теле шевельнулось сомнение и у него появилась надежда, что опасность отступит. Тревога отошла, не было больше того страшного в карлике, что было в самом вначале, и Александр быстро добавил, – он был обречен и я надеюсь, что достойно встретил свою судьбу.

– Да, он уже наслаждается сладостями в райских садах, – согласился маленький человек, – а ты наверняка переживаешь по этому поводу и думаешь, что в этом есть твоя вина?

Александр пожал плечами. И тогда он сказал:

– Ты врач, и это хорошо. Но вижу я, что переживания твоего не детского ума в эти минуты настолько сложны, что напоминают неразрешимые вопросы целого поколения.

Александр молчал, пауза затягивалась и он подумал, что ему надо уже что-то отвечать, но вождь будто угадывая мысли, выставил ладонь:

– Ты человек святой профессии, но в силу этой же профессии, ты бездушен перед страждущим.

Александр слушал вкрадчивый голос, странные словообороты, и старался понять, куда тот клонит, и все никак не понимал. Он чувствовал, как вокруг сгущается сильная энергия и набухает, готовая взорваться, но так же чувствовал, что это уже была не угроза, это быстро прошло, теперь это была какая-то своенравная дурость, от которой тоже можно было ожидать чего угодно, – неожиданность в нем сидит, вот что, – понял Александр.

– И в самом деле, почему бы тебе не задуматься о бренности человеческих судеб? – продолжал вождь, – несравненный, нежный мой мессия.

Было заметно что он любуется собою, говорит так потому что его слушает толпа, и поэтому Александр не перебивал его, давая высказаться, а тот наклонялся все ниже, брызгая слюной:

– Человек свободен в своих поступках и в жизненном выборе. Ему с рождения даны гибкое тело, сильные руки и хороший ум. И заметь, изначально все поставлены на равные условия и ум дан одинаковый для всех, который способен решать любые проблемы, – говорил он, выкатывая глаза, – человеку не только открыты пути, но и представлено множество заманчивых предложений. Бери, черт возьми, пользуйся, достигай успеха. Взбирайся на гребень славы. В этой гонке есть возможность достичь всего чего пожелаешь, можно выбиться на самый верх и вершить судьбы мира, – он ухмыльнулся, – конечно, если ты имеешь на ладони знак наместника на земле. И он показал ладонь. Александр подумал, что толпа растеряется, когда окажется без вождя и мысленно представил точку на подбородке, – буду бить ногой, – решил он, – и при чем здесь мессия?

– С начала существования вселенной, – говорил вождь, – Совершенный знал о том, что произойдет с каждым из нас, знал какие поступки будут у самого жалкого животного и растения. Потому что мы его дети. Так каким образом ты можешь быть свободен в своих помыслах, если все что происходит с тобой, заранее известно и все что нужно сделать, уже предрешено?

Любая катастрофа, как и любая удача обрушится на тебя с математической точностью. Ты же и шага не ступишь, ты ничего не решаешь, ты только наблюдаешь. Это можно угадать заранее, потому что вокруг любого происшествия, всегда сгущается атмосфера случая. И чем ближе катастрофа, тем тоскливее и тяжелее становится нам, и мы сами, не замечая этого, ведем себя по правилам грядущего несчастья. Ты же доктор, ты знаешь, что нервы животных напрягаются задолго до бури, когда вся природа приходит в тревожное состояние. А при значительной катастрофе тревогу чувствуют и люди, это заметно в их поведении, которое можно считать вполне нормальным. Все мы помечены этим, одни больше, другие меньше, и только те, на кого направлена сама катастрофа, не догадываются о буре в их жизни. Ведь в эпицентре всегда затишье и поэтому обреченный никогда не знает своей судьбы, хотя все уже видят его горе и боятся заразиться и только ждут когда горе произойдет мимо, и молятся, чтобы это произошло не с ними. Чтобы не с ними. Так захотел совершенный.

Александр решил, что будет бить в горло.

Маленького человека мотало со стороны в сторону на неспокойном рабе, от нетерпения он стучал ему по голове, от чего лицо того багровело, вздулись вены и текло с ремней, что врезались в рот. Вождь тянулся к Александру, блестел глазами и дышал:

– Так, что же ты мог здесь изменить, почтеннейший, скажи?

Александр уловил запах опиума, и сказал:

– Мир твоему дому. Я сделал все, что было в моих силах. Чтобы ты хотел, что бы я сделал лично для тебя?

Тот заулыбался от удовольствия:

– Не беспокойся, у нас все хорошо. Люди здесь нервные, но это пройдет. Сегодня чья-то душа освободилась от тела, но ведь смерть обычное явление в наших местах, – он кивнул, – это мы заберем с собой, нечего пропадать добру.

– Съедят, – понял Александр.

В бараке было пыльно. Он глубоко и часто дышал, и слышал, как в толпе кто-то хрипит лошадью, нервно и болезненно. Выскочили кривоногие карлики и сбросили на пол покойника. Стукнули, как колодой, и потащили к выходу. Вождь плюнул в ладонь, посмотрел на нее и вытер об штаны, дернул поводьями и закачался к выходу, и за ним потянулась толпа. Что-то крутилось в голове у Александра важное, то что хотелось запомнить. Ему казалось, что в таком поведении есть зерно истины, причастное к этому месту и времени, и люди здесь такие особые от того что все заражено вирусом. Он вздохнул, ему захотелось уйти побыстрее и забыть все, как какую-то нелепость.

– Опять, – подумал Александр, – я куда-то вляпался.

Он щурился от яркого света из распахнутой двери и видел, как с толпой выходит монах, черный в тени. Александр никак не мог вспомнить, где он мог его видеть. В глаза слепило, вокруг монаха светилось и сама его голова тонула в свете. Александр моргнул и тот пропал. Захотелось пить. Разболелась голова, но он все время думал о монахе и мысли эти не давали покоя, он и не заметил, как вышел на дорогу, как подул ветер и небо затянуло тучами. И когда он шел по лесу, то все в нем было уже не так как утром, не так радостно. Над головой раскачивались лапы с когтями, хищно двигались ветви и сами деревья. Блестела луна, отражаясь на кустах, а сами кусты шевелились и от этого еще сильнее наваливалась тоска. И пахло вокруг не по-человечески, сырыми грибами. Александр чувствовал, что пансион где-то недалеко, но его все не было. Почему я здесь, – думал он, – зачем такое со мной? Небо было черное, в нем светился кружок луны и Александр не понимал, как случилось, что он здесь и видит луну издали, будто игрушечную, не настоящую, хотя вся настоящая жизнь там, а не здесь. Здесь один вздор и все это ненадолго и по-другому быть не может. Как они здесь живут? Он уже ненавидел этот лес, эту вонючую воду вокруг него, пошлых людей с примитивными желаниями, которым

только бы поесть да поспать, и что-то там урвать. Ему хотелось сказать об этом, накричать на них, выругать. Мелко все вокруг было, неинтересно. Хотелось бежать из этого места.

Между деревьями замерцал огонь и Александр пошел на свет. У расколотого пня трещал костер, прыгая красными отблесками по кругу, а дальше за кустами стояла ночь, как стена, твердая и холодная. У костра сидел человек и лицо его было такое же красное, как и кусты. Александр кашлянул и человек поднял глаза.

– Довольство, простор и благополучие, – поприветствовал Александр.

Тот качнул головой и ткнул палкой в дрова, отчего костер ярко вспыхнул и Александр увидел у его ног пузатый кальян. Человек набрал в себя дым и выпустил его через нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.